

и Сила бога-отца построила себе дом, то есть плоть; ибо Слово стало плотью и обитало среди нас (Иоан. 1); утвердило столпов семь, то есть семь даров духа, как говорит Исайя: и покоятся на нем семь духов божиих. Заклало свою жертву, то есть пророков, которые погибли за истину от неверных... Смешало в чаше вино свое, ибо в лоне святейшей девы соединило свое божество, как чистейшее вино, с плотью... послало своих рабов, то есть апостолов, призывающих весь мир к познанию бога».³⁰ Этот текст VII в., переведенный с греческого на болгарский язык в X столетии и из «Изборника» Симеона Болгарского попавший на страницы «Изборника» Святослава 1073 г.,³¹ вероятно, не только лег в основу многих последующих толкований, но по подробности своей мог послужить руководством для иконографических изображений на эту тему.

В России в XII в. киевский митрополит Климент Смолятич в своем послании к пресвитеру Фоме вкладывает тот же смысл в слова притчи Соломона: «Премудрость — божество, а храм — человечество» — и уточняет: «Христос вселился в плоть, заимствованную от девы Марии, как в храм».³² То же толкование находится в «Изборнике» XIII в.;³³ но в отличие от других памятников оба эти источника под семью столпами, на которых Премудрость утвердила свой дом, подразумевают не семь дарований св. духа, а семь вселенских соборов. Икона Третьяковской галереи «Премудрость созда себе дом» объединила в своей композиции оба эти воззрения: семь отделений или семь столбов церкви, с изображением соборов, завершаемые одним куполом, символизируют единство вселенской церкви, а семь кругов с ангелами — дарами св. духа — помещенные над нею, говорят о том, что она является вместилищем и обладательницей всей полноты дарований семи духов Исайи (рис. 1, верхняя часть иконы).

Учение о Премудрости, как воплотившемся 2-м лице Троицы отразилось в некоторых церковных песнопениях. Слова канона на великий четверг: «Всевиновная и подательная жизни, безмерная Мудрость божия, созда храм себе от чистых, неискусомужные матери, в храм бо телесно оболкийся — славно прославися Христос бог наш»³⁴ — свидетельствуют, что творец канона Козьма Маюмский (VIII в.) именно так понимал текст притчи Соломона. Так понимал его и мастер иконы Третьяковской галереи, поместивший начальные слова канона «Всевиновная и животуподательная Мудрость божия...» на свитке, простирающемся прямо под кругом с Богоматерью, и выразивший тем самым основную идею своего создания. В старце, который держит свиток, знаменательно указывая перстом на его текст, естественно было бы видеть Козьму Маюмского, автора канона, однако же белый плат на его голове — атрибут Иоанна Дамаскина — доказывает, что на иконе изображен именно этот последний.

Константинопольский патриарх Филофей (XIV в.) посвятил специальное толкование словам Притчи Соломона «Премудрость созда себе

³⁰ А. С. Уваров. Сборник мелких трудов, стр. 148 (перевод с латинского, на котором этот текст приведен у Уварова, — мой); Каталог собрания древностей, стр. 26; см. также: А. М. Аппан. Darstellung und Deutung, pp. 128—129.

³¹ J. Meyendorff. L'iconographie, p. 260, прим. 1.

³² Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме, неизданный памятник литературы XII в. Сообщение Х. Лопарева — ПДП, ХС, 1892, стр. 14—15.

³³ Н. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892, стр. 138—139.

³⁴ Канон Козьмы Маюмского, тропарь 1, в кн.: Богослужбные каноны на греческом, славянском и русском языках. Перевод проф. Е. Ловягина, СПб., 1875, стр. 221.